

Частичка прошлого

ВОСПОМИНАНИЯ ПРОФЕССОРА МДА К. Е. СКУРАТА

Кропотливый труд по собиранию и систематизации отдельных исторических фактов и воспоминаний о послевоенной истории Московской Духовной Академии начат по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Редакция журнала «Встреча» не осталась в стороне от этого важного труда. На базе редакции создана группа студентов, занимающаяся сбором и обработкой материалов по данной тематике, а также подготовкой биографических очерков о профессорах и преподавателях возрожденной Академии.

Мы обращаемся к участникам и очевидцам этих исторических событий с просьбой присылать свои воспоминания на адрес редакции. Ваша лепта поможет делу издания сборника, посвященного новейшей истории Академии у Троицы. В этом номере мы публикуем выдержки из воспоминаний выпускника Минской Духовной Семинарии 1951 года и Московской Духовной Академии 1955 года, старейшего преподавателя МДАиС, профессора Константина Ефимовича Скурата.

I. МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

Начинаю с 1947 года потому, что этот год был одним из самых важных в моей жизни — год поступления в Минскую Духовную Семинарию. В свое время вести записи, хотя и невинные, было небезопасно, а потом уже привыкли не замечать происходящее и не отражать его на бумаге.

Хотелось бы в своих воспоминаниях меньше всего говорить о себе, но поступить так будет довольно сложно, потому что воспоминания — это когда-то увиденное, услышанное, пережитое мной, это частичка моей жизни...

Семинария была для меня, как и для моих коллег, временем духовного становления, определением направления жизненного пути, утверждения в церковности. Именно здесь мы до конца поняли смысл, цель человеческого призвания и всего бытия. Годы моего обучения в Семинарии (1947–1951) стояли в непосредственной близости к концу Второй мировой войны. В Семинарию пришли люди — все до единого, — опаленные огнем битв, испытаний, страданий. Среди нас имелись и бывшие фронтовики, и партизаны, и много потрудившихся в тылу для Победы... Какие это были люди!..

САМЫЙ МОЛОДОЙ АБИТУРИЕНТ

В 1947 г. произошла реорганизация Пастырских двухгодичных курсов, действовавших в Жировицах, в Семинарию. Благочинным Минской епархии было дано указание правящим епископом объявить в храмах о предстоящем наборе воспитанников. Как только эта весть дошла до меня, я загорелся желанием во что бы то ни стало поступить в Семинарию и начал усиленно готовиться. Помогал мне в этом священник соседнего прихода деревни Тумиловичи Михаил Уляхин (ныне митрофорный протоиерей, служит под Санкт-Петербургом). Я приходил в храм, читал, пел, прислуживал. Затем батюшка приглашал меня в свой дом, угощал чайком и давал мне очередное задание, которое я в течение недели не только старался выполнить, но и сделать значительно больше.

В конце августа, вооружившись знаниями и документами, я ночным поездом отправился в Жировицы. В моей жизни это была первая поездка в поезде и сразу дальняя. В поезд я садился с каким-то страхом. Страх этот увеличивался еще от того, что посадка была ночью, в полутьме, на медленно идущий поезд. Потом, уже после поступления в Семинарию, в многочисленных поездках мне пришлось испытать и нечто потяжелее: я мерз в тамбуре, теснился на буферах, висел на подножках вагонов, одной рукой ухватившись за ручку, а другой удерживая чемодан.

Экзамен проходил в какой-то большой аудитории, где за столами сидело несколько человек. Здесь спрашивали все — и чтение, и молитвы, и пение, спрашивали долго, тщательно. Меня попросили прочитать на память тропари двенадцатых праздников, рассказать историю праздника Рождества Пресвятой Богородицы и спеть гамму. Историю праздника я рассказывал долго, подробно. Меня никто не перебивал, не исправлял.

Письменная работа — изложение — выполнялась отдельно. Сдавать экзамены приехало много желающих поступить в Семинарию — около двухсот человек.

Абитуриентам известно было, что примут не более сорока человек. Но вот что удивительно — не наблюдалось никакого соперничества. Более того, помогали друг другу, советовали один другому, вместе повторяли материал, друг друга экзаменовали. Я никогда не забуду ту помощь, какую оказал мне Николай Николаевич Ричко, впоследствии мой однокурсник по Московской Духовной Академии и мой сослуживец. Сегодняшние преподаватели хорошо его помнят как талантливейшего и справедливейшего доцента. Во время изложения я оказался рядом с ним. Быстро написав свое изложение, он стал смотреть на мои «борения», улыбнулся, а затем взял мой лист и тут же исправил несколько ошибок и заменил некоторые слова. Я послушно все исправил и аккуратно переписал... Вечная память тебе, дорогой друг!

В числе поступивших в Семинарию я был самым молодым, ибо первого сентября мне исполнилось ровно восемнадцать лет — возраст, строго определяемый тогдашними требованиями.

ВКУСНО, ПОТОМУ ЧТО С МОЛИТВОЙ

Условия нашей жизни были довольно суровые — полуголодные. Недостаток в жилье, одежде и пище мы испытывали в полной мере.

Вновь поступивших поселили в огромной крипте бывшего костела. Нам говорили, что там когда-то ставили покойников. Естественно, что помещение не отапливалось, от сырости пахло, как в мертвецкой. Посередине поставили «буржуйку», а железную дымоходную трубу от нее вывели в дверь, так как пробить стену, вероятно, не разрешили. Труба эта доставляла нам немало хлопот. Возле печки было жарко, а по стенам стоял вековой холод. Но никто не сетовал, не роптал, не роптал. Наоборот, эти неудобства воспринимались легко, с шуткой.

Питание было довольно скудное: кормили три раза в день, за обедом, кажется, давали только суп. Кто мог, добавлял свои продукты. Хлеб первое время выдавали пор-

циями сразу на несколько дней. Некоторые ухитрялись съесть всю порцию сразу.

Замечу, что хотя питание было и ограниченным, но всегда свежим, а главное, приготовленным с молитвой и потому здоровым, полезным, вкусным. Никто не болел и не страдал от голода. А хлеб был настолько ароматным, что, кажется, запах его я чувствую и сегодня.

Стипендии не было — и никому даже не приходило мысли о том, что нам еще могут или должны платить за учебу. Наоборот, ежегодно государство требовало от нас «добровольно» подписаться на заем. Он был небольшой, но для нас — по крайней мере для меня — это была проблема.

ОТДЫХАЕМ, РАБОТАЯ И РАБОТАЕМ, ОТДЫХАЯ

Ежедневно у нас было шесть уроков по разным предметам, каждому предмету отводилось в день лишь сорок пять минут. Задавали материала много, хотя некоторые преподаватели излагали его медленно, чтобы мы могли успеть записать, ведь учебников было мало или вовсе не было. Некоторые учебники мы в вечернее время переписывали. Я, например, слово в слово переписал Катехизис святителя Филарета.

Режим дня был для нас обязательным законом. Никто нас не понукал и, тем более, не принуждал исполнять его, но мы исполняли его свято. Если наблюдались отступления от режима, то только в одном — мы искали возможность остаться в классе после отбоя (после 23 часов) и еще хотя бы часик поработать. Причем занятия проходили в идеальной тишине.

Никто не только не разговаривал, но и не перешептывался. Если что-то нужно было выяснить или спросить — писали на листочке и на нем же получали ответ. Для более серьезного разговора выходили в коридор, да и там не повышали голоса. И все это складывалось как будто бы само собой! Никто никаких насилий не применял! Никаких окриков, угроз, назойливой, а тем более, лицемерной морали!

Отдых — было понятие для нас весьма условное, потому что его практически не было: у нас даже сложилась присказка — «мы отдыхаем, работая». Так оно и было.

Но у нас, семинаристов, некие понятия об отдыхе были: за монастырской оградой, на лугу, мы иногда играли в волейбол, охотно гоняли мяч, ходили смотреть кино в сельскохозяйственный техникум, который занимал прежние монастырские корпуса (теперь они возвращены Семинарии и Духовной Академии), туда же ходили слушать белорусский хор народного артиста Ширмы (бывший соборный регент) и трагедию Шиллера «Коварство и любовь». Вероятно, запомнилось это потому, что в нашей жизни это было чем-то необычным. Один из моих одноклассников хорошо играл на мандолине. Мы любили его слушать.

ЛЮБИМЫЙ ИНСПЕКТОР

Не берусь говорить о всех преподавателях, но скажу лишь о тех, которые глубоко вошли в мое сердце или оказали огромное, я бы сказал, ничем не измеримое влияние

на всю духовную жизнь Семинарии, на весь ее строй, уклад, направление — на всех нас.

На первом месте стоит протоиерей Иоанн Рей, инспектор Семинарии, преподаватель русского языка. Первым делом, отец Иоанн изгнал из своего кабинета всех «любимчиков» и «стукачей». Одного подобного «деятеля», явившегося к нему с «доверенным донесением», отец Иоанн внимательно выслушал и затем спокойным голосом сказал: «Выйдите из моего кабинета, закройте за собой дверь и да не будет больше здесь вашей ноги. Христианин призван к любви, а любовь — это постоянная жертвенность...» Доносчик был ошеломлен. Еще более его поразило то, что отец Иоанн не изменил к нему своего доброго отношения. Этим способом он довел пытавшегося стать любимчиком до полного осознания своей вины — человек изменился и сам раскаялся перед своими братьями семинаристами...

Каждый день отец Иоанн приходил в столовую во время обеда. Ходил вдоль столов, тихонечко что-то говорил кому-либо, если замечал за ним неладное; говорил настолько тихо, что даже соседу трудно было услышать. Такой способ наставления действовал неотразимо — он не обижал, не принижал человека, а восстанавливал его, поднимал. Особенно памятными остались приходы его в столовую перед отъездом воспитанников на каникулы и в первый же день после их возвращения. Отец Иоанн, подождав, пока молодежь подкрепит свои силы, начинал говорить. Какие это были речи! Как правило, свою речь он завершал напоминанием, что если у кого возникли какие-либо вопросы, проблемы, трудности, да и радости — дверь его кабинета всегда открыта... Так оно и было — и войти в эту дверь мог кто угодно и когда угодно.

Не менее учили нас доброте, смирению и участию в жизни других частые обходы отцом Иоанном наших спален. Бывало, только мы уснем, а иногда и глубокой ночью, открывается тихонько дверь — и на пороге в носках (ботинки он снимал за дверью) появляется наш дорогой батюшка и неслышно проходит между длинными рядами кроватей. Для чего? Проверить кто отсутствует? Нет, не допускайте даже мысли такой. Отец Иоанн, как милосердный самарянин, пришел позаботиться о нас и ночью: идет между рядами и видит у кого-то съехало одеяло — он подымает и осторожно накрывает спящего, дальше видит разбросанные ботинки — собирает и ставит под кровать. Но труднее всего было отцу Иоанну с теми, кто во сне поворачивался на левый бок и начинал храпеть. Отец инспектор подходил к нему, подкладывал под него свои руки и начинал медленно переворачивать его на правый бок. Делал он это настолько осторожно, что спавший, бывало, и не замечал заботы.

Батюшка всех нас знал. Не помню, чтобы он применял какие-то суровые наказания, гнал бы из Семинарии или снижал баллы по поведению. Да прибегать к этому и не было нужды. При нем мы боялись не нарушить семинарскую дисциплину, а обидеть доброго старца.

Если кто провинится в чем-либо, отец Иоанн сам подходил к нему, уводил к себе и долго с ним беседовал. Уходили от него после таких бесед иными, чем пришли к нему, люди как будто заново рождались в мир...

Осенью 1949 года мы вернулись с летних каникул в Семинарию и здесь услышали печальнейшую весть — отец Иоанн скончался. Все без какой-либо команды собрались в храм. В руках зажглись свечи, началась панихида, а вместе с ней — отдельные всхлипывания, которые очень скоро превратились в общий плач, почти рыдание... Картина неопишущая и неповторимая. Ничего подобного я не видел ни до, ни после...

С кончиной отца Иоанна многое изменилось, и как-то сразу ужесточился режим, стал каким-то бессмысленным. Например, запретили после обеда заходить в спальни (их в девять часов утра просто запирали на замок), не рекомендовали выходить за ворота монастыря... У всех стал вопрос: куда же деваться? Начались недовольства... В эти минуты мы еще более оценили подвиг дорогого батюшки, имя его засияло еще ярче.

Известный сегодня в церковном мире протопресвитер Виталий Боровой был также одним из наших лучших учителей в Семинарии. Входил он в класс стремительно, держа в руках лишь классный журнал и указку, вел он Историю Церкви. Слушали мы его затаив дыхание, стараясь побольше записать. Преподавал он у нас и Английский язык. Задавал немного, но требовал безукоризненного выполнения заданного. Благодаря ему мы настолько изучили английский язык за два года в Семинарии, что этих знаний нам хватило и на Академию. Только потом мы узнали, что отец Виталий, преподавая нам Английский язык, и сам изучал его.

Подобным отцу Виталию был и Д. П. Огицкий. Преподавал он Сравнительное богословие и Древнегреческий язык. По греческому языку Дмитрий Петрович выжимал из нас все возможное и даже невозможное. За сорок пять минут урока мы так уставали, что становились малоспособными к слушанию прочих пяти положенных на тот день по расписанию предметов.

ВЫЗОВ «НЕИЗВЕСТНО КУДА»

Об этом, конечно, вспоминать нелегко. Очень скоро после поступления в Семинарию стали нас одного за другим вызывать, куда, зачем — никто ничего не говорил, соблюдалось какое-то могильное молчание. Уходили по вызову рано утром, а возвращались поздним вечером. Возвращались в страшном состоянии — уставшие, измученные, как будто за один день постаревшие на несколько лет, с изменившимися лицами (казалось, что появились первые морщинки). Менялось и поведение тех, кто побывал на этих вызовах, они как-то замыкались, уходили в себя; пропадала у них прежняя живость, исчезали шутки, даже улыбки. Что происходило — оставалось тайной. Постепенно мы стали догадываться, но от этого становилось еще страшнее. Тем не менее я не помню случая, чтобы кто-то, побывав «неизвестно где», бежал из Семинарии... Меня, слава Богу, не вызывали.

Вызовами дело не ограничилось. Видимо, решено было провести более тщательный и тотальный допрос — «люди в штатском» прибыли сами к нам. Для них были отведены большие аудитории. Теперь и меня не минова-

ла чаша сия. Вызвали. Захожу и вижу человека, сидящего за столом, на котором куча бумаг. Взглянув на меня, он саркастически улыбнулся, перелистал дело, снова взглянул. Я продолжал молча стоять. Не помню точно, что он меня спрашивал, кажется, задал самые трафаретные вопросы: кто направил в Семинарию, верую ли я, есть ли родственники за границей... Атмосфера была настолько тяжелой, что я вышел отсюда побледневший, с дрожащими ногами, хотя за мной была лишь одна так называемая «вина» — что я жил с 1941 по 1944 год на оккупированной территории, и родной брат Иван был увезен на работу в Германию. Тогда и это считалось преступлением.

II. МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

В сопоставлении с Минской Духовной Семинарией Московская Духовная Академия предстала, хотя и в хорошем, но несколько ином виде: там скромность — здесь торжественность, там простота — здесь величественность, там обыденность — здесь парадность, там деревня — здесь центр... Правда, при всем блеске была и здесь теплота, но какая-то иная....

Перед сдачей вступительных экзаменов проводилась беседа инспектора профессора Академии Николая Петровича Доктусова со всеми приехавшими. Не помню содержание беседы, но поставленный мне вопрос помню. «Какие предметы будете сдавать?» — неожиданно спросил он меня. Я настолько смутился, что четыре предмета назвал, а пятый забыл. Николай Петрович несколько секунд помолчал, затем улыбнулся (как-то приятно, по-хорошему) и велел позвать следующего.

Бытовые условия, в которых мы жили во время сдачи вступительных экзаменов, были довольно трудные. Хуже всего было то, что мы сами должны были заботиться о еде. В Академии к нашим услугам был лишь титан с кипятком. У меня же были только сало из дома и сухари. Вот этим салом, сухарями да кипятком я и поддерживал свои силы. Денег у меня не было. Недоедание, экзаменационное напряжение закончились тем, что у меня заболел желудок на всю жизнь.

МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ

Спальни наши располагались на первом этаже чертогов, с южной стороны, как более обособленные, — для студентов Академии, с северной — для воспитанников Семинарии. В каждом зале помещалось около двадцати пяти кроватей. Много, но везде было чистенько, сухо, светло. А главное, — тишина и мир, никаких неприятностей в отношениях друг с другом и, тем более, ссор. Живя общиной, более сближались с коллегами — не только с однокурсниками, привыкали уступать один другому, помогать, делиться и радостями и горестями. Помню, вместе с нами в спальне был Саша Кравченко (впоследствии ректор Одесской Духовной Семинарии, а ныне протоиерей одного из храмов Одессы). Он шел одним курсом ниже нас. Так вот, он часто получал из дому

посылочки с продуктами, но никогда в одиночку их не ел, всегда делился со всеми в спальне, а иногда и за ее пределами.

Обычно дележ происходил после 23 часов. Все укладывались в кровати, предварительно освободив верх тумбочки (они стояли у всех кроватей) для гостей. Саша брал большой поднос, выкладывал на него полученное из Одессы, на краю подноса прикреплял свечку для освещения (ведь свет в 23 часа выключался) и с помощником разносил по рядам кроватей. Каждый брал сколько хотел и что хотел. Конечно, с точки зрения инспекции это было нарушением режима, но 23 часа — единственное время, когда мы все собирались вместе. Сашу, ныне отца Александра, мы называли нашим благодетелем.

Столовая находилась там, где ныне семинарская (восточная сторона). Длинные столы тянулись шеренгами. За каждым столом усаживалось по восемь человек. С левой стороны садились студенты в порядке старшинства — от кухни к дверям выхода, с правой — воспитанники в таком же порядке. И обслуживали тоже строго по старшинству: первыми получали выпускники, затем — младшие. Питание было хорошее.

КАДИЛО, КРОПИЛО... «СУШИЛО»?

Храма у нас своего не было, так как академический храм был превращен в дворец культуры. Вернули нам его только в 1955 году. Поэтому накануне всех воскресных и праздничных дней всенощное бдение академическая семья совершала в чертогах — нынешнем Малом актовом зале. Там же совершались и прочие богослужения, кроме Божественной литургии. Как бы алтарной частью служило то место, где ныне стоят столы президиума. Устав соблюдался применительно к приходским богослужениям. Пел один хор.

Здесь же за каждым богослужением произносилась в порядке чреды проповедь. Слушали мы ее очень внимательно, при идеальной тишине, к сожалению, воспринималась она нередко как что-то учебное. Мы следили за тем, как проповедник подошел к аналою, как осенил себя крестным знаменем, как часто заглядывает в лежащую перед ним на аналое тетрадку с текстом проповеди, следили и за планом развития темы. Все это, несомненно, нужно было и для нас, и для проповедника, но увы! Форма подчас закрывала главное — усвоение сердцем наставления, забывалось то, для чего, собственно, и произносится проповедь. Конечно, были и такие проповеди, которые действовали не только на наш разум, но доходили и до глубин души.

Хотя богослужения совершались молитвенно, чинно, но само место нам не нравилось. И потому студенты скоро дали ему и свое название — «сушило». Вероятно, здесь и надо искать объяснение «сухости» восприятия проповеди: актовый зал считался одной из самых больших аудиторий, и все происходящее в нем сближалось с учебной программой.

К нашей общей радости, Божественную литургию Академия с Семинарией совершали в лаврских храмах.

Рано утром все выстраивались в шеренгу перед чертогами и во главе с отцом ректором протоиереем Константином Ружицким и инспектором профессором Н. П. Докторовым направлялись к ранней литургии. Шествие это всегда проходило в каком-то духовном подъеме. Вообще надо отметить и даже подчеркнуть, что администрация Академии стояла очень близко к студенчеству, и от этого выигрывали все — и те, и другие. Разумеется, субординация не забывалась.

На дни седмичные мы все были распределены в «десятки» для исполнения чреды участия в богослужении. В вечернее время нам предоставлялся левый клирос — на правом пела братия святой обители, а ранним утром Божественная литургия совершалась только учащимися. Иноки Лавры отправляли позднюю литургию.

БОЛЬШАЯ КЕЛЬЯ ПРЕПОДОБНОГО

Богослужение и проповедь и есть уже основная и, я бы сказал, существеннейшая сторона духовной жизни. Но к сему еще присоединялось весьма и весьма важное — исповедь и принятие Святых Христовых Тайн. В рождественские, пасхальные и летние каникулы мы причащались в своих приходских храмах — дома, ибо на каникулы нас оставляли при Академии неохотно. Всячески поощряли наш каникулярный отъезд, вплоть до того, что за все дни отсутствия выплачивали нам деньги, которые отпускали на наше питание. Справок, подтверждающих наше участие в исповеди в вакационное время, от нас не требовали. Лишь позднее администрация вынесла особое распоряжение и стала требовать, и даже строго, предъявления справок.

Неизмеримо огромное влияние оказывала на нас святая Лавра. Каждый день начинался с Троицкого собора, где почивают святые мощи Преподобного и богоносного отца нашего Сергия. Мы ежедневно спешили сюда, чтобы непременно до общей утренней студенческой молитвы и завтрака приложиться к святым мощам... Придешь в собор, станешь в общую очередь и помаленьку продвигаешься к святой раке, а этим временем мысленно вспоминаешь своих родных, близких о здравии, а почивших — об упокоении, просишь у Преподобного предстательства у престола Божия на предстоящий день... Если же случалось из-за опоздания «прорываться» без очереди, то чувствовалась какая-то неудовлетворенность.

То, что сложилось в студенческие годы, осталось для меня свято на всю жизнь — и сегодня, приехав в Московскую Духовную Академию, я иду прежде всего к святым мощам нашего Небесного Предстателя... Когда мы не имели своего храма, все мы постоянно были в святой Лавре, у ее святынь, в собственном смысле этого слова. Наше молитвенное сопричастие было более ощутимым, более зримым. Мы всегда видели лаврских старцев, их благоговение к храму, их спокойствие, степенность, их глаза, обращенные к Небу. Вероятно, тогда и утвердилось название, которое мы любим повторять и сейчас: «Академия — это большая келья в святой Лавре преподобного Сергия».

Доброе слово исходило и от наших преподавателей. Но больше воспитывало нас не слово их, а пример их жизни, их уважительное отношение друг к другу и к нам.

ХОДЯЧИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Во время моего обучения в Московской Духовной Академии здесь трудилась целая плеяда профессоров — выпускников прежних (до 1917 года) трех Духовных Академий — Московской, Киевской и Казанской. От этих старцев, прошедших чрез многолетние испытания жизни, но свято сохранивших святую православную веру, веяло особым миром и благодатью.

Из профессоров, прежде всего, встает в памяти ректор Академии, доктор богословия митрофорный протоиерей Константин Ружицкий (1888–1964). Читал он на старших курсах Академии Нравственное богословие. Лекции читал отец ректор интересно, абсолютно не следуя конспекту. В основном, он исходил из своей многолетней пастырской практики — приводил поучительные примеры, неординарные случаи, много цитировал творений святых отцов... Побуждал также и нас в порядке очереди зачитывать во время лекции рефераты по тем или иным вопросам.

Одно печальное событие в семье отца Константина раскрыло перед нами особую черту в его характере — большую любовь к своей семье, к детям. В расцвете сил умерла его дочь. Отец Константин, который так недавно спешил каждого укрепить, ободрить, утешить, был своим горем просто сражен — плакал, как дитя, только без вопля. Он приходил к нам на лекцию, прочитывал два-три предложения, останавливался и долго молчал. На глазах были слезы, катились они и по щекам. Мы тоже молчали и вместе с ним скорбели, сидели неподвижно, никто ничем не занимался. Пересиливая себя, отец Константин пытался продолжить лекцию, но как только начинал ее, снова появлялись слезы...

В день своих именин он надевал все полученные им ордена и шел в Актный зал, где его уже ожидала вся академическая семья для поздравления. Проходило оно и торжественно, и в то же время как-то по семейному. После поздравления все преподаватели приглашались на трапезу, которая устраивалась в квартире ректора. Было тесновато, но уютно, тепло, непринужденно. Здесь уже шло персональное поздравление. Говорилось много хороших, искренних слов... День этот очень и очень всех нас сближал и роднил.

На втором месте я ставлю профессора протоиерея доктора богословия, выпускника Казанской Духовной Академии Александра Ветелева (1892–1976), ибо он оказывал на нас огромное духовное влияние. Читал он Патрологию и Гомилетику. По аудитории он ходил, держа в руках мел. Периодически подходил к доске и с помощью изображения чертежей, которые он рисовал мелом, наглядно раскрывая что-либо таинственное. Помню, что он каким-то образом изображал на доске даже душу человеческую. Цели он достигал — мы легко усваивали материал и твердо его запоминали. Ходя по ауди-

тории, он имел обыкновение подойти к кому-нибудь и погладить его по голове или похлопать по плечу, по спине. А так как обе руки у него были в мелу, то на том месте, к которому он прикасался, оставались следы его руки.

Инспектор Академии магистр богословия профессор Николай Петрович Доктусов (1883–1959) читал Священное Писание. Читал по конспекту, но часто отвлекался — широкие познания не позволяли ему ограничиться какой-либо одной узкой темой, увлекали его в области самые неожиданные для нас. У нас сложилось мнение, что профессор А.П. Доктусов знает все, что возможно знать человеку, и мы называли его «ходячей энциклопедией». В любое рабочее время можно было кому угодно обратиться к нему с вопросом и получить обоснованный ответ. Это был интеллигентнейший человек высочайшей духовной культуры. Своего собеседника он никогда не упрекал и не ставил в неловкое положение даже самыми, казалось бы, невинными словами, вроде: «Вы не правы, вы не убедительно говорите, вы не разобрались в деле...» Все это он обнаруживал, но деликатно, уважительно, спокойно — и этим вызывал еще больше симпатий к себе. Замечания некомпетентные, недоброежелательные, лицемерные Николай Петрович аккуратно, но настойчиво отклонял. К предложениям же добрым, разумным прислушивался и следовал им.

Я и другие молодые преподаватели сразу же встретились с проблемой оценки письменных работ: одни подходили очень строго, другие очень мягко. И тогда инспектор созвал всю «молодежь» на совет. Выслушав все предложения, он обобщил их, и было выработано единое решение, которое потом применялось и прочими преподавателями (для каждой оценки было указано допустимое количество ошибок).

Ежедневно инспектор, иногда с отцом ректором, приходил во время обеда в студенческую столовую... Ходит с палочкой вдоль столов и посматривает по сторонам... После обеда его сразу окружали студенты и долго не отпускали. Собственно, он и приходил в столовую для ежедневных непринужденных встреч и бесед с учащимися.

Жил Н.П. Доктусов очень скромно. В Академии у него была маленькая комнатка за стеной квартиры отца ректора. Комнатка эта напоминала собой скромную келью смиреннейшего инока. А ведь с ним проживала и старушка супруга!

Второй «ходячей энциклопедией» в Академии был Иван Николаевич Хибарин (1892–1977) (в сороковые годы он был заместителем редактора Большой Советской Энциклопедии). Преподавал он английский язык, и хотя знал его в совершенстве, но нам, практически, ничего не давал, потому что в его преподавании не было даже подобия какой-то системы. То, что задавал, никогда не спрашивал. А спрашивал то, что придет в голову. Обычным «ответчиком» всегда был дежурный, подносящий к кафедре журнал с фамилиями отсутствующих на занятиях, невзирая на то, что дежурный мог быть один и тот же. Но для нас Иван Николаевич остался почитаемым за свои энциклопедические знания. О чем только он нам не рассказывал: о разных странах, народах, обычаях, святителях, подвижниках, вообще о деятелях разных религий, писателях, поэтах, ученых!

Профессор Николай Иванович Муравьев (1891–1965) преподавал Историю Древней Церкви. Читал спокойно, спрашивал строго. Во время занятий обычным был такой диалог профессора со студентом: «Вы читали?» — «Читал, Николай Иванович, читал.» — «А нужно не читать, а учить», — и ставил двойку, которую исправить было нелегко.

Профессор Иван Никитич Шабатин (1898–1972) занимал кафедру Истории Русской Церкви. К сожалению, он постоянно отвлекался к тематике для нас не нужной. Мы его ценили, собственно, не столько как преподавателя, а как писателя и церковного историка. В «ЖМП» появлялись написанные им статьи, подписанные псевдонимом «Никита Волнянский». Даже супруга его не знала, что за этим именем стоит ее муж. Обнаружила она это случайно, когда в память о нем была устроена в вестибюле чертогов выставка, где представлялись и труды профессора.

Стоящим особняком, благодаря глубоко своеобразной манере преподавания, можно считать профессора Владимира Ивановича Талызина (1904–1967). Свообразие его состояло в том, что он читал лекции по Церковному праву слово в слово по конспекту — поначалу мы специально проверяли, потом перестали. Но что удивительно — читал наизусть! На кафедре у него не было никаких записей. Если мы его останавливали вопросом, он отвечал и снова продолжал, не опуская ни единого штриха из имевшегося у нас и написанного им учебного пособия. Память у него была феноменальная.

ВЫЗОВ «ИЗВЕСТНО КУДА»

К сожалению, и в Московской Духовной Академии было нечто подобное тем «вызовам», которые были и в Минской Духовной Семинарии, но эти делались более профессионально: вызывали якобы в военкомат по делам призыва в армию, а там и определяли «способности» человека. О цели этих вызовов сегодня — в свободной России — знают все. О них говорят сами пострадавшие.

Меня, слава Богу, и здесь не вызывали во время учебы. А потом? Потом да — вызывали, но я решительно отказался от всего, что мне предлагали, и не убоился угроз. Верю, что устоял я по действию молитв моих близких, по милости Божией. Слава Богу!

ЧАСТИЧКА ПРОШЛОГО

В моих воспоминаниях, написанных в один присест, отражена лишь частичка бывшего. Вспоминать надо постепенно и, вспоминая, тут же записывать. А лучше всего — вести дневник!

Как оказалось, воспоминания писать нелегко — ожидают светлые картины прошлого, умчавшегося в вечность, вспоминаются дорогие, любимые лица, с которыми много-много связано хорошего и которых здесь уже давно нет. Все это навеивает грусть, нагоняет тоску, что-то тяжелое начинает подступать к груди, и перо как-то замедляет свой бег, а затем и останавливается...